

А. В. ИВАНОВ

НАСЕЛЕНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ХЕРСОНЕСА ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Антропологическому составу населения Херсонеса посвящено значительное количество исследований, однако, различные периоды истории поселения остаются освещенными крайне неравномерно. Среди опубликованных к настоящему времени материалов, характеризующих население Херсонеса, наиболее ранней следует считать небольшую краниологическую серию из раскопок захоронений I–IV вв. на западном участке некрополя города (Назарова 1990:1 сл., Назарова 2002: 6)¹. Материал, охватывающий последующие IV–IX вв. также весьма малочислен, а его сохранность оставляет желать лучшего (Иванов 2005: 1627 сл.). По существу репрезентативными сериями представлен лишь позднейший период существования города — X–XIV вв.

В этой связи представляется, что публикация данных, характеризующих антропологический состав населения полиса на раннем этапе его существования в поздне — классическое — эллинистическое время, существенно дополнит целостность картины. Тем более, что рассматриваемая серия связана с «северным некрополем» одним из наиболее дискуссионных объектов в истории раскопок Херсонеса, вызывающим живейший интерес исследователей вот уже семьдесят лет.

Некрополь V–III вв. до н.э., был открыт в 1936 г., экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Г.Д. Белова (Белов 1938: 163 сл.), в ходе исследования застройки жилых кварталов античного и, в основном, средневекового времени (рис. 1). Некрополь располагался на Северном берегу херсонесского городища, основная часть захоронений зафиксирована между VIII–X поперечными улицами. Первоначально, с нач. V в. до н.э., погребения совершались вне городской территории, не позже начала III в. до н.э., некрополь был поглощен растущим городским поселением и застроен. Ко времени исследования его территория была перекрыта строитель-

ными остатками и культурными напластованиями эллинистического, римского и византийского (в основном до 2 пол. XIII в.) периодов существования города.

По разным данным на северном некрополе было исследовано от 140 (Рогов 2005: 162) до 160 (Белов 1981: 164) погребений. За редким исключением погребения совершены по обряду ингумации в индивидуальных грунтовых могилах. Основной тип погребального сооружения — грунтовая яма, изредка обложенная камнями. Большая часть ям впущена в уже сформировавшийся культурный слой, реже дно доводилось до скалы, еще реже в скальной породе устраивалась неглубокая лоткообразная выемка. Стратифицировать уровень древней дневной поверхности, с которой совершались захоронения, возможности не представилось. Вероятно, некоторая часть погребений была совершена в гробах, или, что вероятнее, могилы имели деревянные перекрытия (Зедгенидзе, Савеля 1981: 196). Значительная часть захоронений детей раннего возраста совершена в амфорах. Преобладающая ориентировка погребений восточная.

Уже в процессе исследования памятника внимание привлекло положение костяков в захоронениях. Большая часть погребенных помещалась в могилы в вытянутом положении на спине. Однако до 30% или 34 наблюдения из 114, где представлялась возможность определить позу погребенного (Кадеев 1995: 34), составляли скорченные погребения (рис. 2). Этот прелюбопытнейший факт сразу же породил вопрос об этнической принадлежности погребенных, а позже и тесно связанную с этим проблему социального статуса т.н. «скорченников» в городской общине Херсонеса Таврического.

Длительное время в отечественной археологической литературе господствующим было мнение о том, что скорченная поза погребенных на Северном берегу Херсонеса Таврического, есть несомненный признак принадлежности их к туземному населению, отождествлявшемуся с таврами. Этого положения придерживался в первую оче-

¹ В публикациях Т.А. Назаровой указывается различный количественный состав серии, если в работе 1990 г. приводятся данные по 11 пригодным для измерения черепам (♂ 7, ♀ 4), то в публикации 2002 г. говорится об исследованной серии из 20 единиц (♂ 13, ♀ 8).

редь сам первоисследователь памятника (Белов 1938:165 сл., 1948:20, 1957:238, 1981:171), его мнение разделяли Н. В. Пятыхева (Пятыхева 1949: 123)² и А. И. Тюменев (Тюменев 1949: 245). Крайнюю позицию занимал С. Ф. Стржелецкий, полагавший все погребения Северного некрополя Херсонеса, независимо от позы погребенных, принадлежавшими таврам, инкорпорированным в городское сообщество в качестве не только свободных, но и равноправных сограждан, причем незначительно затронутых ассимиляцией (Стржелецкий 1948: 94–95).

Компромиссная точка зрения была высказана А. А. Зедгенидзе и О. Я. Савелей — считая, что северный некрополь «менее всего представляется чисто греческим», авторы предлагают рассматривать его как «некрополь этнически неоднородного населения, возможно с прослойкой туземных элементов» (Зедгенидзе, Савеля 1981: 199). А. Н. Щеглов, характеризуя взаимоотношения тавров и греческих колоний в Таврике, признает дискуссионность рассматриваемого вопроса, но полагает, что уже в V в. до н. э. в городе сформировался слой варварского населения, в котором «довольно большую (если не преобладающую) долю мог составлять таврский элемент, и гипотеза о принадлежности скорченных захоронений другим этническим группам представляется ему «менее доказательными, чем гипотеза об их таврском происхождении» (Щеглов 1981: 212, 1988: 75). Высказывались и «экзотические» предположения о связи скорченных захоронений со скифами (Капошина 1941) или карийцами (Откупщиков 1975: 56), впрочем не получившие поддержки.

Начиная с В. Д. Блаватского (Блаватский 1953: 163) предпринимались попытки использовать материал северного некрополя в этно-социальных реконструкциях, предполагалось, что скорченная поза погребенных подчеркивает низкий, вплоть до рабского, социальный статус представителей «варварских» этносов в составе населения полиса. Но если В. Д. Блаватский считал таковыми именно тавров, то его последователи не исключая наличия «какого-то количества рабов из среды таврского населения» и, полагая принадлежность скорченных костяков домашним рабам, все же прямо эти факты не связывают (Зубарь 1993: 64–65).

Параллельно существует мнение о принадлежности скорченных погребений, как и всего некрополя, греческому населению полиса. Впервые это точка зрения была представлена в работе Л. М. Славина посвященной поселению на о. Березань (Славин, 1956, с. 168), позже, независимо, к этому же выводу пришел В. В. Лапин (Лапин 1966: 212 сл.). Наиболее резко против принадлежности погребений таврам выступил В. И. Кадеев (Кадеев 1973: 108 сл., 1995:32 сл.). Основными аргументами в пользу данной позиции выступает наличие некоторого количества скорченных погребений в некрополях античных городов Причерноморья: Аполлонии, Ольвии, Фанагории, Каллатиса. Общим в этническом составе населения этих центров представляется именно наличие общины греческих колонистов, варварское окружение полисов при этом абсолютно различно. Причем в каждом случае исследователи связывали «скорченников» с «местным» варварским окружением: в Ольвии со скифами, в Аполлонии — фракийцами, Фанагории — синдо-меотами. Наличие скорченных погребений в некрополе Каллатиса (2 захоронения IV–III вв.) представлялось исследователю особенно важным, ввиду того, что подобно Херсонесу он был апойкией Гераклеи Понтийской и может отражать определенную общность традиций (Кадеев 1995: 32, 34).

Некрополь на северном берегу выделяется исключительной бедностью погребального инвентаря, тем не менее, присутствующие в захоронениях предметы имеют типично греческий облик, в то время как находки кизил-кобинской керамики связанной с таврским населением, весьма не многочисленны не только для территории занимаемой некрополем но и на всем городище в целом. Против таврской атрибуции погребений свидетельствует соседство в пределах единого погребального сооружения, скорченных костяков с вытянутыми и амфорными детскими погребениями, правильная планировка некрополя, наличие нескольких погребений по обряду кремации, фрагменты типично греческих надгробий. Наконец в собственно таврских могильниках присутствуют не только скорченные, но и вытянутые погребения, что по мнению В. И. Кадеева лишает значения «этот постоянный и нередко единственный аргумент в пользу таврской принадлежности скорченных погребений». В качестве дополнительного аргумента приводятся свидетельства древних авторов об акоммуникативности и ксенофобии тавров. В заключение, декларируется порочность

² В октябре 1945 г. в Херсонес была командирована сотрудник ГИМ Н. В. Пятыхева с заданием доставить череп «из таврского некрополя для реконструкции головы тавра». Поскольку в пострадавших во время войны фондах херсонесского музея такового не нашлось, была предоставлена возможность добыть искомое путем раскопок, в ходе которых были исследованы восемь погребений. Сохранность двух черепов в принципе позволяла решить поставленную задачу, однако сведениями о дальнейшем ходе «проекта» автор не располагает.

самой гипотезы о принадлежности скорченных погребений таврам, порожденной в недоброй памяти годы, когда недооценка роли туземного компонента и его благотворного влияния на колонистов могла дорого обойтись исследователю (Кадеев 1995: 36).

Большинство приведенных фактов имеют и свою контр — аргументацию, требующую рассматривать северный некрополь Херсонеса как весьма неординарный памятник (Зедгенидзе, Савеля 1981: 198–199). Е. Я. Рогов опираясь на стратегическую некрополя, приводит данные в пользу сужения датировок скорченных захоронений, указывая, что появляются они на некрополе далеко не с самого начала его функционирования, но не ранее второй четверти IV в. до н.э. Причем существование традиции, по его мнению ограничивается 40–50 годами, пресекаясь на рубеже IV–III вв. до н.э., что объясняется исследователем убытием из города группы населения практиковавшей скорченные погребения или их окончательной ассимиляцией в течение двух-трех поколений (Рогов 2005: 166). Одновременно, подводя итог нескольким десятилетиям дискуссии, Е. Рогов констатирует, что «Споры об этносе погребенных как в вытянутом, так и в скорченном положении все более приобретают схоластический характер, (...) что со всей очевидностью свидетельствует, что в такой постановке вопроса и в рамках тех знаний, которыми мы располагаем, проблема решения не имеет. Наше заключение основывается также и на том, что все высказанные по этой проблеме точки зрения опираются на одну и ту же сумму фактов...» (Рогов 2005: 161).

Любопытно, что антропологический материал со столь важного памятника, на протяжении семи десятилетий остающийся в центре оживленной дискуссии, не привлекал внимания исследователей. По непонятной причине среди историков и антропологов сложилось мнение, что этот ценный палеоантропологический материал не сохранился (Зиневиц 1973: 141). Однако еще в публикации Г. Ф. Дебеца 1949 г., посвященной населению средневекового Крыма, было отмечено, что материал из раскопок некрополя Херсонеса, проводившихся Г. Д. Беловым в 1930–32 и 1935 гг., сохранился и находится в Музее антропологии и этнографии (коллекции №№ 5100 и 5382) (Дебец 1949: 335). Было логично предположить, что материалы раскопок 1936 г. находятся там же, что, собственно говоря, и подтвердилось. Интересовавшая нас серия поступила в фонды музея в 1938 г., при ней сохранился акт о приобретении материала посредством покупки. В 2005 г. автору

представилась возможность работы с рассматриваемым материалом.³

Кроме того, в фондах Национального заповедника Херсонес Таврический автором было выявлено еще пять черепов различной сохранности (4♂, 1♀), связанных с раскопками памятника. Сопоставление сохранившейся маркировки материала с данными отчетов, показало, что черепа происходят из засыпи колодца, содержавшей материал рубежа н.э., исследованного Г. Д. Беловым в 1940 г. в XVII квартале городища. Надо полагать, что останки попали в колодец из погребенный некрополя, разрушенных в ходе строительных работ, проводившихся на его территории в римское время. Исходя из этих данных, мы сочли возможным присоединить рассматриваемый материал к основной части серии⁴.

Сохраняя главную интригу, отметим, что в выборке присутствуют останки погребенных как в вытянутом — ♂: №№ 13/13, 40/40, 44/44, 46/47, 71/78, 74/84, 77/87, ♀: 15/15, 23/23, 45/46, 51/52, 61/65, так и в скорченном — ♂ №№ 52/53, 75/85, 80/90, ♀ 24/24, 59/63, 81/91 (нумерация — в числителе № коллекционный, в знаменателе № погребения, по Белов, 1938 г.), положении. Погребение № 39/39 представляет собой «сомнительный скорченный тип», его ноги были согнуты в коленях (рис. 3), предполагается, что погребенный был помещен на спине с согнутыми ногами в могилу, имевшую деревянное перекрытие (Рогов 2005: 162), впоследствии кости нижних конечностей завалились вправо. Женский череп № 12, должен был соответствовать погребению № 11, однако под этим номером в 1938 г. зафиксирована кремация. Таким образом, сразу отметим, что положение костяка погребенного не связано с его полом.

Сохранившаяся часть выборки представлена двадцатью пятью черепами взрослых. Из них 15 определены как мужские (11 погребения, 4 засыпь), 10 как женские (соответственно 9 и 1). Половой диморфизм в серии выражен очень четко, и затруднений с определением пола не возникало. Мужские черепа отличались крупными размерами, массивностью, выразительным мышечным рельефом, женские на их фоне воспринимались как весьма грацильные, однако значения их измерений часто довольно значительны для женских серий. Сохранность материала, к сожалению, следу-

³ Автор искренне признателен В. И. Хартановичу, В. Г. Моисееву и В. И. Селезневой за огромное содействие, позволившее выполнить эту работу.

⁴ На северном берегу городища присутствуют и многочисленные позднейшие погребения, однако, все они связаны с христианскими культовыми комплексами, появившимися здесь не ранее сер. V в. т.е. значительно позже формирования засыпи колодца 1940 г.

ет оценить как плохую, черепа нуждались в значительной реставрации и практически все были восстановлены с большими или меньшими утратами, что предопределило неполноту измерений (таб. 1, 2).

Возрастной состав основной части выборки довольно необычен: все девять женщин относились к возрастной группе *adultus*, среди мужчин 6-*adultus*, 5-*maturus*, причем возраст погребенных не превосходил 40–45 лет. Впрочем, черепа из насыпи колодца принадлежали двум мужчинам *senelis*, одному *maturus*, одному *adultus* и женщине *senelis*.

Исследуемая серия представляет группу довольно неоднородного европеоидного населения, величины квадратического отклонения по большинству признаков завышены в сравнении со стандартными. Мозговой отдел черепа в особенности в мужской части выборки характеризуется значительными линейными размерами. По продольно-поперечному указателю серия мезокранна (⁵♂ 75,18; ♀ 78, 25), однако наблюдается значительный размах *min-max* (♀ 72.16–88,57; ♂ 67,54–80,65). На уровне индивидуальных наблюдений в серии присутствуют долихокранный (♂ 46/47,74/84,80/90,1/40; ♀ 12/11,23/23,24/24), мезокранный (♂ 39/39,13/13,71/78,77/87,3/40; ♀ 59/63, 81/91) и резко брахикранный (♂ 40/40, 44/44; ♀ 15/15, 45/46, 2/40) компоненты. Для мужской части серии характерны небольшие значения высотно — продольного (71,61) и высотно — поперечного указателей (87,37), что характеризует черепные коробки как низкие и умеренно-широкие. Похоже, что у женской части выборки эти соотношения несколько выше, однако число выполненных измерений очень невелико. Угол профиля лба и в мужской и в женской выборке ближе к прямому. Ширина затылка у мужчин в среднем умеренная (110.73), у долихокранных черепов затылок узкий, у женской части выборки широкий.

Характерной чертой серии представляется ослабленная горизонтальная профилировка на уровне *fmo-fmo*. Средняя величина *NM* угла у мужчин 144,8-свидетельствует об умеренной профилировке, однако у шести индивидов (№№ 39/39,40/40,46/47,44/44,71/78,77/87) лицо на верхнем уровне явно уплощено, о хорошей профилировке можно говорить лишь в трех случаях

(№№ 13/13,74/84,4/40). В женской части серии выполнено лишь три измерения и во всех случаях профилировка ослаблена. Величины *ZM* угла напротив свидетельствуют о хорошей профилировке лицевого отдела на уровне *ZM* точек у мужчин, в женской выборке выполнено всего два измерения в одном случае (№ 80/90) профилировка умеренная. Глубина клыковой ямки в большинстве случаев относительно невелика у мужчин в среднем 3, 72, у женщин несколько больше –3,92.

Вертикальную профилировку лица удалось определить лишь в очень ограниченном числе случаев. Общий лицевой угол у мужчин в одном случае соответствует ортогнатному типу строения (№ 1/40), в двух случаях мезогнатному (№№ 44/44, 74/84) и в одном случае определен слабый прогнатизм (№ 13/113), в альвеолярной части в трех из четырех измерений отмечен умеренный прогнатизм (№№ 13/13,71/78). Единственное измерение общего лицевого угла у женщин на грани мезо и ортогнатных величин, на альвеолярном уровне (два измерения) прогнатизм не выявлен.

По верхней высоте лица мужская часть выборки неоднородна, усредненный показатель (70.4) лежит близко к границе средних и малых величин на индивидуальном уровне из десяти измерений в четырех случаях лицо низкое (№№ 13/13, 40/40,74/84,77/87), в трех средне-высокое (№№ 52/53,75/85,1/40), в трех высокое (№№ 39/39, 44/44, 4/40). Единственное измерение у женщин (№ 59/63) свидетельствует о большой высоте лицевого отдела. Скуловой диаметр измерен лишь на двух мужских и двух женских черепках во всех случаях он невелик.

Верхняя ширина лица у мужчин в пределах средних значений (105.25), На индивидуальном уровне отмечен значительный размах измерений (*min*100-*max*114). У №№ 39/39, 52/53,77/87,3/40,5/40 верхняя ширина большая, у № 13/13,44/44,80/90, 4/40 средняя, малая ширина отмечена у №№ 40/40,46/47, 74/84, 1/40. У женщин верхняя ширина лица в пределах малых (№ 12/11, 24/24, 45/46) и средних величин (№ 61/65, 81/91). Средняя ширина лица у мужчин большая (95, 19), два измерения женской выборки соответствуют малой (№ 12/11) и средней (№ 81/91) величинам признака. Угловая ширина н. челюсти у всей серии в границах средних величин. Верхнелицевой указатель удалось вычислить только для трех индивидов — два у мужчин (№№ 13/13, 74/84), оба мезен, один у женщин лептен. По орбитному указателю как мужская (87,74) так и в женская выборки (87,74) характеризуется гипсикранией.

⁵ Автор сочла возможным объединение этих небольших выборок на том основании, что г. Керкенидида с III в. до н.э. входил в состав Херсонесского государства (Назарова 2006: 71–72), однако отметим, что Керкенидида была основана в 3 четв. VI в. до н.э. ионийцами, в отличие от дорийского Херсонеса и до конца IV в. до н.э. существовала как самостоятельный полис. Учитывая крайнюю малочисленность материала, вывод о тождественности антропологического состава населения обоих городов представляется преждевременным и требующим дальнейшего изучения по мере накопления данных.

Ширина носа небольшая у всей серии при средней высоте у мужчин и малой у женщин. По носовому указателю мужская выборка мезоринная, два измерения у женщин указывают на лепторинию. Симотический указатель у мужской части серии сильно варьирует (min-max 18.18–61.11) от низкого до высокого при высоких значениях дакриального указателя. У женщин симотический и дакриальный указатели свидетельствуют о средневысоком переносье.

Результаты компонентного анализа подтверждают тезис о смешанном характере серии. Мужская часть выборки анализировалась по 13 признакам: 1 продольный дм, 8 поперечный дм, 12 ширина затылка, 48 верхней высоте лица, 43 верхней и 46 средней ширине лица, высоте 55 и ширине 54 носа, 51, mf ширине и высоте 52 орбиты, 20 ушной высоте, 77 NM и ZM углам. Для мужчин основной процент изменчивости описывается I и II ГК, суммарно 45%. I ГК описывает 25,7% изменчивости, высокую положительную корреляцию демонстрируют средняя ширина лица (46) и углы горизонтальной профилировки лица (77, ZM). ГК II описывает 20,1% соответственно основные нагрузки положительных связей — ширина орбиты mf, верхняя (43) высота лица и в значительно меньшей мере поперечный дм. черепной коробки и высоту орбиты.

Худшая сохранность черепов женской выборки позволила рассмотреть только 9 признаков соответственно: 1 продольный дм, 8 поперечный дм, 12 ширина затылка, 43 верхнюю и 46 среднюю ширину лица, ширину носа (54), ширину (51 mf) и высоту орбиты (52), ушную высоту (20). На I ГК приходится 37,9%, на II ГК — 23%. Основные нагрузки I ГК — ложатся на ширину затылка, поперечный дм, среднюю ширину лица и в меньшей мере ширину носа, II ГК на высоту и ширину и глазницы и ушную высоту.

Таким образом, серия представляется довольно смешанной. У мужчин — очевидна вариабельность по степени горизонтальной профилировки и основным линейным параметрам лицевого отдела. В женской выборке основные различия проявляются в широтных параметрах черепной коробки и строении глазниц. В целом определенную специфичность серии можно усматривать в ослаблении горизонтальной профилировки на уровне *fmo-fno* и некоторой тенденцией к прогнатизму у мужской части выборки.

Явных признаков прижизненных заболеваний на исследованном материале выявлено не было, Впрочем, это вопрос отдельного исследования. Отметим только зубочелюстные патологии — семь

случаев поражения кариесом (♀4, ♂3) и четыре случая значительных отложений зубного камня (все ♂). Определенное внимание привлек женский череп № 24/24. Его поперечный размер составил 134, а широтные размеры лба соответственно 87 (9) и 106 (10). Неестественно узкая лобная часть имела выраженный «перегиб» вдоль линии бывшего метопического шва, лицевой отдел черепа не сохранился, все это напоминало посмертную деформацию, однако широтные размеры сохранившейся н. челюсти также оказались очень небольшими (66. — 97). Вероятно, необычную морфологию черепа следует рассматривать как вариант индивидуального развития.

Приходится признать, что сколько-нибудь определенную связь морфологических черт с положением костяков в могиле выявить не удалось, иначе это можно сформулировать как то, что погребенные в скорченном положении в антропологическом отношении не отличаются от погребенных вытянутыми на спине. Интерпретировать этот факт, разумеется, можно различным образом.

База антропологических данных, с которыми целесообразно сопоставить херсонесский материал классического времени, весьма ограничена. Следуя традиционной постановке проблемы, рассмотрим серию с некрополя северного берега в сравнении с материалами характеризующими крымских тавров.

Антропологический материал характеризующий таврское население очень невелик, в сущности, исследователи оперируют данными давно введенными в научный оборот Е. В. Жировым, Г. Ф. Дебецем и К. Ф. Соколовой (Дебец 1948: 164, Жиров 1949: 276 сл., Соколова 1960: 66–67). Г. Дебец полагал характерным для тавров массивный брахикранный тип. К. Ф. Соколова помимо материала, связанного собственно с таврами включила в рассмотрение черепа из погребений, выбранных по принципу скорченности костяка, датируемые от поздней бронзы до рубежа н. э., и сделала вывод об исключительной смешанности полученной серии, и соответственно антропологической неоднородности тавров, выделив в их составе как минимум три антропологических типа.

Т. А. Назарова проведя аргументированную ревизию ранее опубликованных краниологических материалов, связанных с таврами, сочла возможным оперировать измерениями серии из четырнадцати (♂9, ♀5) черепов, к сожалению, ввиду плохой сохранности обмеренных далеко не по полной программе. Автор характеризует мужские черепа из таврской серии как суббрахикранные (79,3), со средними продольными

и поперечными диаметрами (182,4 и 144,6 соотв.), небольшой высотой черепной коробки (129), среднешироким (97) умеренно-покатым лбом, широким (137,3), высоким (70) хорошо профилированным в вертикальной и горизонтальной (NM 134,4, ZM124,6) плоскости лицом, FC средней глубины (4,7) узким (54/55–46,4), резко выступающим носом и мезоконхными (77,97) орбитами. Женская часть, соотносимой с таврами серии, также суббрахиокранна (79,8), с очень большой высотой черепной коробки (139,5), хорошо профилированным (NM 133,3, ZM126,8) широким (131, 7) лицом, широким (54/55–51,1) сильно выступающим носом и мезоконхными орбитами (82,5) (Назарова, 1997: 69).

Мнения антропологов в отношении проблемы присутствия тавров в составе населения античного Херсонеса прямо противоположны. Опираясь на предположения, выдвинутые Г. Ф. Дебецем (Дебец 1948: 334, 386), Г. П. Зиневич полагала возможным влияние тавров на формировании антропологического типа населения Херсонеса вплоть до раннесредневекового времени (Зиневич, 1973: 155). М. М. Герасимова, опираясь в основном на аргументацию археологов, признает мнение о преобладании местного компонента в составе населения полиса убедительным (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987: 22–23).

Т. А. Назарова, напротив, полагает, что таврский компонент «мы можем с достаточной степенью уверенности исключить из антропологического типа херсонеситов» (Назарова 2006: 72). Используемая серия, представляющая население Херсонеса IV–III в. до н. э., собрана из трех черепов из погребений, отнесенных к эллинистическому времени с западного некрополя города и трех черепов некрополя Керкинитиды. Помимо материалов эллинистического времени для сравнительного анализа использован также немногочисленный материал первых вв. н. э. Автор полагает, что мужскую таврскую выборку отличает от жителей города значительно большая ширина лица, меньшая ширина и большая высота черепной коробки, следуя Г. Ф. Дебецу Т. А. Назарова характеризует таврские черепа как сравнительно более массивные. Отличия женской выборки усматриваются в меньшей ширине и высоте черепной коробки и лицевого отдела и более слабой профилировке лица. «Таким образом неоднократно поднимавшийся вопрос о присутствии в составе населения Херсонеса тавров результатами антропологических исследований решается отрицательно».

Заметим, что в основе такого заключения лежит гипотеза об антропологическом еди-

нообразии как тавров так и жителей Херсонеса классического и эллинистического периодов его существования. Представляется, что в отношении тавров решить этот вопрос, оперируя имеющимся материалом не представляется возможным. В отношении же населения полиса публикуемые данные позволяют утверждать, что оно было в антропологическом отношении смешанным уже на раннем этапе существования поселения. К проблеме возможного выделения в его составе местного компонента можно будет вновь обратиться по мере накопления репрезентативного антропологического материала характеризующего население юго-западной и южной Таврики периода раннего металла.

В равной мере проблематично и выделение в составе населения Херсонеса собственно греческого компонента. Антропологические данные, характеризующие антропологический состав метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской отсутствуют, можно только предполагать наличие в его составе греческого и местного малоазийского компонентов, представленных подчиненными мариандинами. (Щеглов 1981: 212, 217, прим. 22, 23). Вероятно, следует учитывать и саму дорийскую модель колонизации, сопровождавшуюся захватом территорий и вытеснением аборигенного населения, что должно было способствовать сохранению «чистоты рядов» колонистов и их ближайших потомков. В этом плане небезынтересны опубликованные, но, к сожалению, очень неполные данные по населению Арголиды архаического времени (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987: 41, таб. 15) как области расселения дорийского населения — средние параметры мужской выборки некрополя на Северном берегу Херсонеса довольно близки к ним. В то же время, имеющиеся данные о населении Греции I тыс. до н. э. свидетельствуют об антропологической неоднородности ее населения. Л. Анжелом было выявлено, как минимум, шесть антропологических групп (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987: 38), объединяемых двумя более крупными антропологическими типами — средиземноморобалканским, связанным с бассейном Эгейского моря, и переднеазиатским, тяготеющим к Малой Азии вплоть до Кавказа (Пулянос, 1960: 8). При этом, краниологических данных позволявших бы судить о населении отдельных областей античной Греции и в особенности центров колонизации совершенно недостаточно.

Таким образом, при исследовании населения Херсонеса Таврического на ранних этапах его существования встает сложная проблема, связанная

с миграцией заведомо неоднородного населения в среду местных жителей характеризующихся, в известной мере, гипотетичными антропологическими характеристиками. В методическом плане ставится задача выделения из смешанного европеоидного населения более низких таксономических групп, что представляется довольно проблематичным на имеющемся сегодня материале.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–36 гг. — Симферополь, 1938.
- Белов Г. Д. Херсонес Таврический. — Л., 1948.
- Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи. *СА XIII*. — 1950:
- Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи. *СА № 3*. — 1981: 163–180.
- Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1953.
- Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. *ТИЭ 14*. — М., 1948.
- Дебец Г. Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма. *МАЭ XII*. — М.-Л., 1949: 333–387.
- Жиров Е. В. Костяки из каменных ящиков Крыма. *МАЭ X–M*., 1949: 276–284.
- Зедгенидзе А. А. Савеля О. Я. 1981 Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н.э. как источник изучения этнического и социального состава населения города. *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. — Цхалтубо-Тбилиси, 1979: 191–203.
- Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 1973.
- Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху. — Киев, 1993.
- Иванов А. В. Население Византийского Херсона по данным антропологии. в: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. — Харьков, 2005: 1627–1638.
- Кадеев В. И. Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя. *ВДИ 4*. — 1973: 108–116.
- Кадеев В. И. Еще раз об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса Таврического. *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. — Симферополь, 1995: 32–38.
- Капошина С. И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. *СА VII*. — 1941: 161–173.
- Кондукторова Т. С. Антропология древнего населения Украины. — М., 1972.
- Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — Киев, 1966.
- Назарова Т. А. Антропологическая характеристика погребенных из грунтовых могил некрополя Херсонеса. Антропологические материалы из могильников юго-западного Крыма — Киев, 1990: 1–13.
- Назарова Т. А. Населения Херсонеса в I–XIV вв. за антропологическими данными. автореферат канд. диссертации. — Киев, 2002.
- Назарова Т. А. К вопросу об антропологии тавров. *ХСб.* 8. — Севастополь, 1997: 68–74.
- Назарова Т. А. Тавры в составе населения античного Херсонеса. *ВА 14*. — 2006: 68–73.
- Откупщиков Ю. В. Греческая колонизация и карийцы. *Античные византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья*. Тезисы докладов. — Тбилиси, 1975: 55–56.
- Пятышева Н. В. Тавры и Херсонес Таврический. *КСИИМК 29*. — 1949: 122–124.
- Пулянос А. Н. Проблемы антропологии Греции в связи с этногенезом ее народа. Автореферат канд. диссертации. — Москва, 1960.
- Рогов Е. Я. Греки и варвары в Западном Крыму. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. — СПб., 2005: 137–210.
- Славин Л. М. Давньогрецьке поселення на острові Березань. *ІЗКДУ 16 (6)*. — К., 1956.
- Соколова К. Ф. Тавры Крымского полуострова. *ВоА 3*. — 1960: 66–76.
- Стржелецкий С. Ф. Раскопки таврского некрополя Херсонеса. *ХСб.*, вып. 4. — 1948: 69–96.
- Тюменев А. И. Херсонесские этюды. *ВДИ 4*. — 1949: 245–275.
- Щеглов А. Н. Тавры и греческие колонии в Таврике. *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации*. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Тбилиси, 1979: 204–217.

А. В. Иванов

НАСЕЛЕНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ХЕРСОНЕСА ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ.

РЕЗЮМЕ

Автором рассматривается краниологическая серия поздне-классического — эллинистического периода с «северного некрополя» Херсонеса. До 30% погребенных здесь было похоронено в скорченном положении, что породило вопрос об их этнической принадлежности и социальном статусе в городской общине. Согласно публикуе-

мым данным, население Херсонеса, уже на ранних стадиях существования города, представляется неоднородным в антропологическом отношении, однако выделение в европеоидной популяции смешанного состава более мелких таксономических групп остается проблематичным.

О. В. Иванов

НАСЕЛЕННЯ ЕЛЛІНІСТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА ЗА ДАНИМИ АНТРОПОЛОГІЇ.

РЕЗЮМЕ

Автором розглядається краніологічна серія пізніше-класического — елліністичного періоду з «північного некрополя» Херсонеса. До 30% похованих тут було поховано в скорченому положенні, що породило питання про їх етнічної приналежності і соціальний статус у міській громаді. Згідно з опублікованими дани-

ми, населення Херсонеса, вже на ранніх стадіях існування міста, представляється неоднорідним в антропологічному відношенні, проте виділення в європеїдній популяції змішаного складу дрібніших таксономічних груп залишається проблематичним.

A. Ivanov

POPULATION OF HELLENISTIC CHERSONESOS ON THE DATE OF ANTHROPOLOGY

SUMMARY

The author examines the late Classic Hellenistic series from the «north necropolis» of the Chersonesos. As the 30 percent of the buried were in writhen position it rises a question of their ethnic attribute and social status in the city community. According to

the published data, the population of the Chersonesos was heterogeneous even on the early stages of the city existence. However, it is quite problematic to separate this mixed Caucasoid population from the other small taxonomic groups by means of given material.

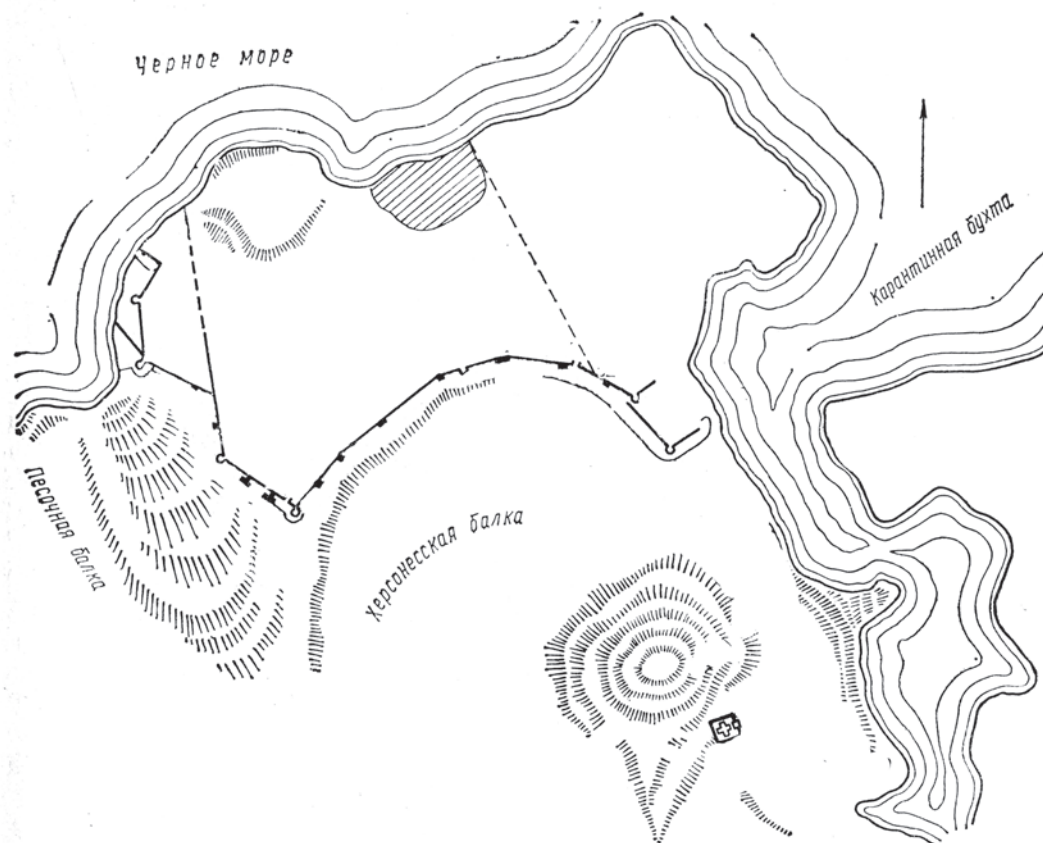

Рис 1. Некрополь на северном берегу на плане городища Херсонеса Таврического.

Рис2. Раскопки участка некрополя на северном берегу городища 1936г.

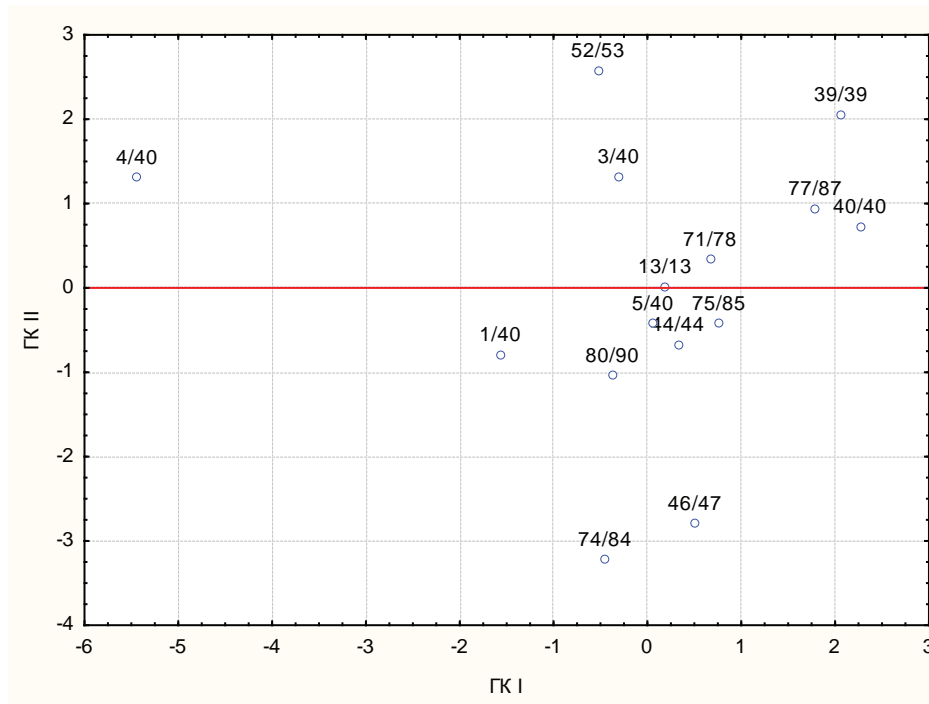
Рис 3. Скорченное положение покойного погребение №2, 1935г.

Рис 4. то же , погребение №73, 1936г.

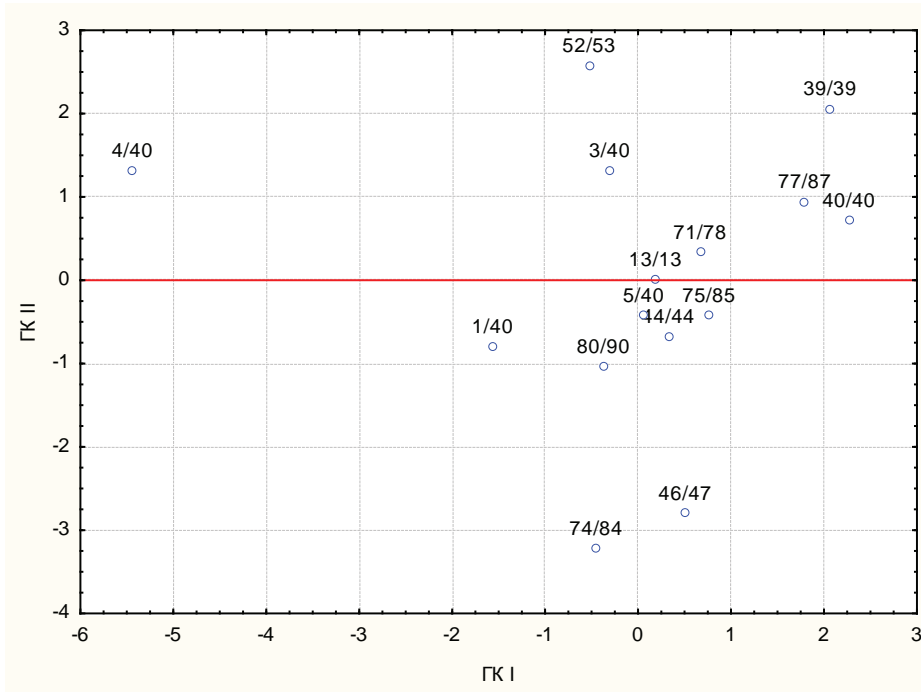

Рис 5. Вытянутое положение покойного погребение №23, 1936г.

	1	2	3	4
var				
1	-0.210	0.066	0.731	-0.434
8	0.431	0.558	-0.424	-0.270
12	0.406	0.469	-0.604	-0.190
48	-0.708	0.292	-0.149	0.508
43	0.180	0.781	0.357	0.247
46	0.722	0.360	0.259	0.224
55	-0.284	0.422	-0.461	0.432
54	0.367	0.425	0.742	-0.035
51	-0.332	0.790	0.022	-0.264
52	-0.676	0.445	0.179	0.256
20	0.027	0.255	-0.318	-0.724
77	0.776	-0.081	-0.097	0.409
ZM	0.713	-0.039	0.048	0.252
Charact. value :	3.344	2.613	2.204	1.743
Per cent :	25.723	20.102	16.957	13.409

Рис 6. Графическое представление внутригруппового анализа серии, метод ГК : . мужчины,

var			
1	0.478	0.150	0.820
8	0.735	0.068	-0.398
12	0.943	0.313	-0.059
43	0.554	-0.343	-0.132
46	0.719	-0.160	-0.133
54	0.605	-0.740	0.043
51	0.448	0.562	-0.570
52	-0.248	0.833	-0.126
20	0.548	0.531	0.590

Charact. value : 3.409 2.107 1.560

Percent : 37.876 23.412 17.338

Рис 7. Графическое представление внутригруппового анализа серии, метод ГК : женщины.